

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации
Аристангалиевой Нургуль Базылгалиевны
«Национальные окраины России
в этнографической прозе 30-х годов XIX века»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации
(Саратов, 2025)**

Этнографическая литература – один из важнейших центров системы литературной культуры в ее развитии. Именно в этой области соединены одновременно стремление нации / народа понять себя, равно как и мир вокруг в ближайшем его национальном окружении (как постулирует Н.Б. Аристангалиева в обзорно-теоретической главе, давая концептуальную отсылку на гипотезу О.Ю. Полякова и О.А. Поляковой, в центре изучения оказываются в таком случае во взаимодействии-синтезе «... образы «своего» и «чужого», их происхождение, содержание и историческая изменчивость» (С.28)). В поликультурной ситуации России значимость этого феномена возрастает в несколько раз.

Помимо отмеченного нами, этнографический «вектор» – наглядный пример и синтеза различных дисциплин, в т.ч. на базисе таких наук, как философия, культурология, политология и историософия и ряд других.

Наконец, все это непреложно влияет и на методологию гуманитарных исследований в данных направлениях. Абсолютно логично в последнем случае обращение диссертанта в срединном разделе первой вводной главы к теоретическим проблемам имагологии (С.24–37). В соотношении с последним и в непосредственной зависимости от него, возникает, причем – уже в концептуальном Введении, и обращение к теории мифа (а через него – и к востребованной на со-

временном этапе теории так называемой «инаковости»). Приведем в качестве иллюстрации-доказательства цитату М.-Ф. Гийяра (С.4), которую справедливо можно считать лейтмотивом всей данной линии диссертации: цель имагологии, согласно известному французскому теоретику: «... пытаться лучше понять, как живут в индивидуальном или коллективном сознании великие национальные мифы...».

Логичной вершиной, четко постулируемой начиная также с Введения, выступает, наконец, общая теория инонационального. В последнем случае автор работы, опираясь на достижения предшественников (Л.Н. Сарбаш и другие), предлагает и свою концепцию, посвящая этому вопросу второе из «Положений, выносимых на защиту» (С.11–12).

Отмеченные факторы целокупно доказывают *актуальность избранного* Н.Б. Аристангалиевой *направления исследования*.

При том, что отечественная словесность классических периодов, особенно – Золотого века, казалось бы, изучена более чем основательно – этнографический аспект все еще ждет своих серьезных исследователей, поскольку пока на данный момент мы имеем дело скорее с удачными «островками» научных разысканий на пространнейшей «белой карте».

Н.Б. Аристангалиева доказательно выбирает для аналитического рассмотрения не просто определенную «локальную зону» этнографических тенденций в искомые 1830-е годы (заметим: во многом итоговые для поэтософии отечественного романтизма!) – она движется смелее и глубже, стремясь создать целостную картину на материале произведений шести показательных писательских систем. Нельзя не отметить также как несомненную удачу ученого и тот факт, что в широкий научный оборот вводится при этом сразу несколько фактически «растворившихся забвением» имен. Так, если А.А. Бестужев-Марлинский, В.И. Даль и Н.А. Дурова, по счастью, находятся в наши дни в неплохо освоенной

«области известности», то Е.А. Ган, и, особенно – А.И. Лёвшин и В.А. Ушаков на такое пока, увы!, «претендовать» никак не могут.

В лучших традициях саратовской литературоведческой школы, контексты литературно-теоретический и историко-литературный гармонично дополнены и специальным погружением в документ: так складывается концепция приложений, обращенных к труду А.И. Лёвшина «Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Козачьих ордах...». Всё это, подведем итог, – убедительное свидетельство новизны подхода автора диссертации.

Диссертационное исследование имеет вполне четкую и доказательную двухчастную структуру.

Глава первая рассматривает феномен «национальных окраин» как общий предмет изучения в гуманитаристике. При этом, к чему мы уже подходили выше, налицо методология синтеза данных различных дисциплин: союз историографии и литературоведения (раздел 1.1), проблематика имагологии (параграф 1.2) – и, наконец, собственно сама этнография (в заключительном разделе 1.3).

Центральная для историко-литературной диссертации вторая глава состоит из двух крупных смысловых блоков.

В первом из них исследуется уникальное явление документально-художественных форм этнографической прозы – на пространстве творчества В.И. Даля и А.И. Лёвшина (символично, что в нашем Казанском федеральном университете уже не первое десятилетие проводятся и имеют хороший резонанс международные научные конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве»). Отмеченному нами блоку в главе 2 посвящены три первых параграфа.

Вторая ключевая смысловая часть – весьма обширный, включающий в себя 4 подраздела, параграф 2.4. Здесь ключевое внимание исследователя сфокусировано на этнографических повестях писателей-романтиков (в контексте не можем не подчеркнуть, что первоначально в науке о литературе гораздо боль-

шей любовью пользовались при изучении лиро-эпические опыты романтиков и предромантиков, начиная от порубежных поэм С.С. Боброва, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева и его сыновей – и завершая шедеврами А.С. Пушкина; профессор А.И. Разживин (Елабужский Институт КФУ) недавно возвратил научно-культурной общественности и еще одно примечательное имя – А.А. Шишкова (младшего)).

В целом корпус разделов второй главы рецензируемой работы позволяет выявить интересную и перспективную методику автора, каковую мы видим в следующих ключевых профилях:

А) вопрос соотношения документально-художественной и собственно художественной прозы в этнографическом измерении (словами известного теоретика литературы XX века Н.А. Гуляева, это – динамика соотношения воссоздающего и пересоздающего типов творчества);

Б) конкретные национальные векторы этнографической прозы 1830-х годов (казахский, калмыцкий, киргиз-кайсацкий, кавказский, марийский и др.);

В) диалектика различных жанровых моделей этнографической прозы (среди ключевых – очерк и, бесспорно, повесть, каковой посвящена весомая часть разделов);

Г) мифопоэтика этнографической прозы (не случайно, завершается здание второй главы аналитическим разбором повести В.А. Ушакова через фокусировку оппозиции «Свой / чужой», а ранее, в «бестужевском» разделе, подготовлен и еще более многомерный аспект видения: не просто и не только «свой – чужой», но также и «свой – иной», см. об этом С.106–107).

Нельзя отдельно не вынести в поле положительной оценки и параграфы, посвященные этнографическим экспериментам в прозе Е.А. Ган (С.109–119) и Н.А. Дуровой (С.119–125): здесь, нам видится, сделана убедительная авторская заявка на такое продолжение темы диссертации, как «Этнографическая поэтика в русской женской прозе XIX века»

Исследование прошло вполне убедительную апробацию: на пяти конференциях (4 из которых – международные) и в 11 публикациях (4 из каковых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ).

Вместе с тем, во многом – как следствие концептуальности и четкости исследовательской позиции диссертанта, возникает ряд вопросов и уточнений:

1. Поскольку прямо в формулировку цели вынесен специфический производный термин «инонациональный образ» (С.9), представляется, было логичным дать свое его видение (как это сделано автором в отношении к более масштабному, родовому феномену инонационального в целом, что мы отметили выше).

2. При освещении вытекающих из цели задач диссертант, на наш взгляд, напрасно проявил скромность, ограничившись лишь историко-литературным «срезом» и перечисляя просто имена вовлекаемых в анализ писателей искомой эпохи 1830-х годов. На деле, им через аналитические обзоры и интерпретацию теории, внесен также существенный вклад и в общую концепцию вопроса (о чем мы уже сказали выше, при характеристике главы первой).

3. При справедливо выверенном обращении к меж-филологическим истокам центрального понятия «окраины», несколько непоясненным выглядит в первой главе (в т.ч. в ключевом вводном разделе 1.1) позиция Н.Б. Аристангалиевой по вопросу о сути феномена именно «инонациональных окраин» (между тем как этот термин и производные от него образуют центральную «пунктирную линию» всего исследования – ср. разделы 1.3, 2.2, 2.4.3). По-видимому, как убеждает нас погружение в раздел 1.1, «инонациональность окраин» была феноменом дву-полюсным: с одной стороны, возникая вследствие имперской политики России и расширения территорий, а с другой стороны, – гармонизируя всё изнутри через феномен «Союза этносов» (С.16).

4. Еще одно размышление, так же берущее истоки еще в первой главе, относится к малой представленности на страницах работы прямого предшественника изучаемой эпохи – XVIII века. Так, в необходимой главе 1 весьма эскизно-пунктирно звучат отсылки на общую эпоху Просвещения в Европе (С.29), динамику рецепции Италии в отечественной литературной культуре XVIII века (ссылка на книгу О.Б.Лебедевой и А.С. Янушкевича – С.32), позднее просверкивают имена М.Д. Чулкова и некоторых других представителей «предэтнографической программы» разночинной прозы – но в целом всё же иллюстрации весьма малочисленны. Меж тем, что аксиоматично, ситуация намного многомерней и концептуальней. Выше мы уже указали на приоритетную значимость исканий предромантиков 1780–1810-х годов. Кроме того, в XVIII столетии происходило, и частотно, порою даже более острое, чем в Золотом веке, освоение «инонациональных окраин». Прежде всего, как следствие новой политики молодой Российской империи, начал формироваться «крымский текст» русской литературы. Такого же рода прозрачный пример, напрямую связанный с «именем» одного из центральных исследуемых произведений А.И. Лёвшина, – автопись великого Г.Р. Державина, в которой, допустим, легендарная «Фелица» обращена, как мы помним, к «Богородице царевне Киргиз-Кайсацкия орды»! Наконец, и начало серьезного освоения этнографического зерна через летописи и собирание фольклора – это тоже не совсем первооткрытие первых десятилетий XIX века, как постулируется в диссертации (С.38), а более заслуга литераторов последней четверти XVIII века (от Н.А. Львова до Ю.А. Нелединского-Мелецкого и др.). Еще немаловажное обстоятельство: справедливо отмечая роль журналистики при становлении и утверждении этнографического направления прозы (к примеру, на материале выдающихся открытий А.И. Лёвшина, см. раздел 2.3, приоритетнее – С.76 и далее, Н.Б. Аристангалиевой не помешало бы помнить, что журнал «Вестник Европы», где публиковался интересующий ее исследователь, был «этнографически задан» на порубежье XVIII–XIX вв. еще

Н.М. Карамзиным, который в авторских материалах для этого своего детища наметил «этнографические горизонты» вплоть до Китайской империи). При возвращении в современный научный контекст, в связи с одним из сквозных для этнографической прозы 1830-х годов «кавказским вектором» (это отмечает и сама Н.Б. Аристангалиева, см.С.36–37), отметим, что определенное удивление вызывает отсутствие в поле внимания диссертантки знаковых исследований И.Л. Багратион-Мухранели.

5. В некоторых «лакунах» возникают и мало желательные неполнота или неточность при подключении литературного контекста. Так, справедливо отмечая на С.54 значимость для генезиса этнографической прозы поэтики сентиментализма, диссертант почему-то относит к писателям этого направления предромантика и эпикурейского романтика К.Н. Батюшкова, а затем и Н. Полевого (современника и соратника А. Бестужева-Марлинского). На деле, этнографические травелоги были представлены на порубежье XVIII–XIX веков действительно сентименталистами, но в диссертации не названными: это – В. Измайлов, П. Шаликов и др. Не оспаривая итогов замечательного тандема диссертанта с научным руководителем, что выразилось в приоритетном акцентировании через историко-литературный контекст фигуры В.И. Даля, заметим все же, что стоило, хотя бы в прологовом параграфе главы 2, остановиться на достижениях А.С. Грибоедова («Загородная поездка»), А.С. Пушкина («Путешествие в Арзрум» – это произведение «обронено» в упоминании на С.55), М.Ю. Лермонтова («Кавказец»).

6. В некоторых, не столь частых и скорее контекстных случаях, мы бы рекомендовали уважаемому диссертанту поподробней ознакомиться с достижениями нашей казанской литературоведческой школы. Так, вопросами имагологии и проблемами «инаковости» («образа другого»), помимо Л.Ф. Хабибуллиной (см.С.26) и уже на материале именно русской литературы, занималась и занимается проф. Т.Н. Бреева (один из организаторов продолжающейся серии

международных конференций «Национальный миф...»), еще более обширные достижения двух школ компаративистов (научные направления Я.Г.Сафиуллина – В.Р.Аминевой и А.М.Саяповой – Р.Ф.Бекметова, соответственно).

7. Частные рекомендации и замечания:

А) далеко не бесполезным было бы (равно как и будет) для автора диссертации знакомство с исследованиями Немата Казакбаевича Сабирава, занимающегося изучением этнографической документально-художественной прозы об Узбекистане в русской литературной культуре XVIII века;

Б) согласно правилам ГОСТа, в трудах по истории отечественной литературы библиография не может начинаться с перечня работ на иностранных языках, их необходимо было перенести в финал списка.

По избранному объекту исследования, а также методам его системно-комплексного изучения диссертация Аристангалиевой Нургуль Базылгалиевны соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Настоящим свидетельствую, что диссертация Аристангалиевой Нургуль Базылгалиевны «Национальные окраины России в этнографической прозе 30-х годов XIX века» представляет собой самостоятельное завершенное научное исследование, отвечающее нормативам актуальности, научной новизны, теоретической ценности и практической значимости, соответствует критериям Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Пашкуров Алексей Николаевич

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ПОДПИСЬ
Пашкуров А. Н.

«18» июля 2025 года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Тел.: +7 (843) 939-29-03

Электронная почта: public.mail@kpfu.ru

Сайт: <https://kpfu.ru>